

Вся докладная записка, состоящая из тысяч слов, была написана с негодованием и праведным гневом, а также сопровождалась собранными со всех сторон доказательствами и показаниями местных жителей.

Такого преступного военачальника следовало бы немедленно отстранить от должности, доставить в столицу и казнить за его преступления.

Однако после прочтения доклада два старших императорских аристократа не высказали ни слова, а пятый и седьмой принцы, которые обычно не участвуют в обсуждениях, хотя и не понимали замысла отца, все равно притаились, стараясь оставаться незамеченными.

Глаза Цзян Хань, наполненные гневом, сверкали, как у феникса.

Этот Се Яньфэй! Она уже не раз видела, как его преступления разоблачались, но каждый раз доклады о нем тонули, как камень в воде, не вызывая ни малейшего волнения.

Причина была проста: Се Яньфэй был старшим братом нынешней императрицы.

Император Цию и императрица Се на протяжении многих лет сохраняли теплые отношения. Императрица происходила из простой семьи и до сих пор родила только шестого принца, великую госпожу, что делало ее положение во дворце несколько шатким.

Поэтому император Цию хотел повысить статус ее семьи, но ее отец оказался неудачником, даже не смог сдать экзамен на степень цзиньши, и единственной надеждой стал старший брат Се Яньфэй, обладавший некоторыми военными талантами.

Однако этот человек, пользуясь тем, что его сестра стала императрицей, вел себя высокомерно, брал взятки и, даже будучи отправленным три года назад на границу для борьбы с пиратами, не раскаялся и совершил это тяжкое преступление!

По мнению Цзян Хань, даже смерть через расчленение не смогла бы утолить народный гнев!

Но если бы она произнесла эти слова, императрица навсегда стала бы ее врагом.

Несколько мелких чиновников, которые ранее подавали доклады с разоблачениями, уже были переведены из столицы, и о них постепенно переставали поступать известия, их судьба оставалась неизвестной.

Теперь министр войны Чэнь Тин, обвиняющий Се Яньфэя, по сути, шел на смертельный риск, как будто нес с собой гроб.

Теоретически, с таким высокопоставленным чиновником третьего ранга, Цзян Хань не нужно было рисковать своей карьерой и враждовать с императрицей.

Однако нынешняя нерешительность императора Цию явно была вызвана его привязанностью к императрице, и он не хотел подписывать указ.

Если Се Яньфэя признают виновным, это неизбежно затронет императрицу. Даже если Цию сможет защитить ее, ему придется лично казнить родственников своей жены, что неизбежно создаст разлад в их отношениях.

Император Цию, закрыв глаза, правой рукой перебирал буддийские четки, которые императрица собственноручно надела ему на левую руку, и его сердце было разрываемо

противоречиями.

Первый принц, увидев это, опустил голову и усмехнулся, подумав: не зря народ говорит, что в нашем доме Цзян много романтиков, характер отца всегда был слишком мягким.

Многие говорили, что характер первого принца очень похож на характер императора Цию в молодости, но сам принц так не считал. По его мнению, если бы у его любимой женщины случился такой скандал, он бы не стал закрывать на это глаза.

Первый принц тихо усмехнулся, считая, что никто не заставит его так потворствовать, даже Гу Жао.

Когда два аристократа долго молчали, император Цию открыл глаза и тихим голосом спросил:

— Как вы считаете, что следует сделать?

Цзян Хань задумалась: отец не хочет принимать решение сам и хочет привлечь других, чтобы разделить гнев императрицы?

После долгого молчания Цзян Хань медленно вдохнула, сложила руки в приветствии и твердо ответила:

— Отец, я считаю, что генерала Се следует немедленно отозвать, доставить в столицу и передать в Министерство наказаний и Верховную цензорную палату!

Брови императора Цию едва заметно нахмурились, выражая отчаяние и усталость.

Первый принц, заметив это, бросил взгляд на Цзян Хань, с презрением усмехнулся и, встав, доложил:

— Я не согласен! Отец, генерал Се находится за тысячу ли отсюда, самоотверженно служит стране, и, возможно, столкнулся с завистью мелких командиров, которые намеренно оклеветали его, чтобы свалить на него вину. Это дело следует поручить инспектору для личного расследования, чтобы избежать ошибок и не навредить преданному подданному!

Глаза императора Цию загорелись, и он с надеждой посмотрел на первого принца, спросив:

— Кого же следует отправить на расследование?

Цзян Хань почувствовала, как сердце сжалось.

Если снова отправить кого-то, чтобы предупредить Се Яньфэя, это даст ему шанс избежать наказания, и этот бесчестный человек проживет еще один день, а народ будет страдать еще дольше!

Если инспектор вернется и сговорится с ним, оправдав Се Яньфэя, то министр войны Чэнь Тин, рискнувший подать доклад, несомненно, будет обвинен в клевете, и мир потеряет еще одного честного чиновника, способного защищать народ!

Думая об этом, Цзян Хань уже не думала о своих интересах, встала с серьезным видом, поклонилась и, перебивая, громко сказала:

— Отец, подумайте! Уважаемый Чэнь уже предоставил все доказательства и свидетельства в Министерство наказаний, а вина генерала Се подтверждена цензором! Если сейчас начать

новое расследование, это может спугнуть преступника, и все усилия чиновников окажутся напрасными!

Услышав это, император Цию нахмурился, а первый принц поспешно возразил:

— Вторая сестра, ты ошибаешься! Я считаю, что Министерство войны, Министерство наказаний и Верховная цензорная палата, действуя так быстро, уже вынесли приговор генералу Се, и это должно вызвать подозрения, что кто-то может быть заинтересован в этом!

Цзян Хань сжала кулак, ее глаза, полные гнева, устремились на первого принца, но прежде чем она успела что-то сказать, император Цию резко заявил:

— Чэнь прав, я тоже беспокоюсь, что здесь может быть подвох, не следует спешить с выводами, Хань...

Император Цию посмотрел на Цзян Хань с упреком, указал на нее пальцем, покачал головой и не стал продолжать.

Глаза Цзян Хань широко раскрылись, и, глядя на разочарованное выражение отца, она на мгновение почувствовала, как ее душа покидает тело.

Неужели она ошиблась?

Пытаясь защитить справедливость и заступиться за народ, она получила лишь разочарованный взгляд отца?

Цзян Хань медленно повернула голову к первому принцу, который, с выпирающим животом, улыбался добродушно и сделал ей приглашающий жест, снова сел в кресло, явно чувствуя себя победителем.

Цзян Хань, шатаясь, вернулась на свое место, перед глазами мелькнула тень, и она услышала, как пятый принц с тревогой прошептал:

— А-цзю! Не бегай! Садись обратно!

Цзян Хань очнулась, повернула голову и увидела, что девятое высочество уже спокойно стояло рядом с ней и, как ни в чем не бывало, начало брать очищенные лонганы с ее тарелки.

Цзян Хань медленно протянула руку, погладила голову девятого высочества, ее лицо оставалось бледным, а губы были лишены цвета.

Она повернулась, взяла тарелку и передала ее девятке, уныло сказав:

— А-цзю, ты съел свои закуски? Возьми эту тарелку, иди садись на свое место, будь умницей.

Как только Цзян Хань произнесла эти слова, брови императора Цию разгладились, и он с улыбкой указал на девятку:

— Ты, маленькая обжора, я позвал тебя смотреть доклады, а ты тут устроила перекус, сейчас няня узнает и пожалуется твоей маме!

Все аристократы в зале рассмеялись, но Цзян Хань лишь с трудом улыбнулась, присоединившись к общему веселью.

Девятое высочество слегка опешило, с легким разочарованием посмотрело на тарелку в руках второй сестры и неохотно отказалось от предложения Цзян Хань.

Император Цию был растроган этим поступком ребенка, и у него пропало желание заниматься докладами, он начал задавать вопросы о занятиях аристократов, и атмосфера в зале стала веселой.

К пяти часам вечера вошел управляющий, почтительно пригласив императора к ужину.

После ухода императора Цию все поднялись и, разговаривая, вышли из Чертога Возвращения Духа.

Настроение Цзян Хань оставалось тяжелым, она встала последней.

Переступив порог, она увидела у красной колонны знакомую фигуру.

Как только она вышла, маленькая фигурка, как обычно, высунула язычок и игриво скорчила рожицу — это была девятая сестра.

Цзян Хань слегка улыбнулась, но не стала обращать на нее внимания, просто прошла мимо.

Проходя мимо Цзян Чэньюэ, она лишь слегка погладила ее по голове.

Девятое высочество мельком взглянуло на Цзян Хань, ее бледно-золотистые глаза отражали одинокую и печальную фигуру, она задержалась на мгновение, а затем побежала за ней.

— Вторая сестра!

Цзян Хань посмотрела на подбежавшую девятку, но не стала шутить с ней, все еще вяло махнула рукой и сказала:

— Вторая сестра уходит из дворца, ты тоже иди обратно в Юнхэ, уже поздно.

— Вторая сестра? — Цзян Чэньюэ быстро шла за Цзян Хань, с любопытством наклонив голову, спросила. — Отец сегодня тебя ругал?

<http://bllate.org/book/16655/1526566>